

Законы природы открывает наука. Нельзя не согласиться с утверждением А. П. Белика, который в книге «Эстетика и современность» справедливо отмечает, что вплоть до нашего времени «все законы природы и общества нам известны как открытия науки»¹. Правда, некоторые авторы пытаются опровергнуть это. Так, А. Драбкин в статье «Красота и целесообразность» указывает, что через сто с лишним лет после смерти известного швейцарского художника Жана-Этьенна Лиотара (1702—1789) физики высчитали угол преломления луча света в стакане с водой, который несет его «Шоколадница». Оказалось, что преломление этого луча в точности соответствует законам преломления, открытым оптикой много лет спустя. На этом основании А. Драбкин делает вывод: «Вот и получается, что искусство смогло найти закономерности, которые наука осознала лишь спустя десятилетия. И это естественно»². Однако вряд ли кто-

---

¹ А. Белик, Эстетика и современность, М., Госполитиздат, 1963, стр. 167.

² «Декоративное искусство СССР», 1963, № 6, стр. 32.

либо на этом основании будет приписывать Лиотару честь научного открытия.

Хотя подчас и искусство может дать толчок научному исследованию. Чтобы увидеть это, достаточно обратиться к одному из самых молодых жанров искусства — к научной фантастике. Научная фантастика! Само название указывает на важнейшую особенность нового жанра. Это не просто фантазия на научные темы, а фантазия, возникающая из знания реальных перспектив развития науки.

Научный фантаст не подменяет ученого. От его книг никто не ждет новых научных открытий; научно-фантастическое произведение, как и всякое произведение искусства, не претендует на строгую точность решения научных проблем. Фантастика прежде всего призвана пробудить интерес к той или иной проблеме.

Научную фантастику можно рассматривать как своеобразную «майевтику» научного исследования. Она обычно не дает готового замысла ученому, но помогает рождению, формированию этого замысла, наталкивает ученого на решение тех или иных научных проблем. Сам процесс научного исследования впоследствии отделяет возможное от невозможного, действительную перспективу развития науки от мнимой перспективы.

Научная фантастика вовсе не должна подменять научно-популярную литературу и знакомить читателя с современным состоянием научных знаний; познавательная ценность ее произведений в том, что она увлекает читателя той или иной проблемой и этим самым побуждает его подробнее изучить эту проблему, привлекая уже специальную литературу.

В центре внимания научной фантастики — человек науки, смелый новатор, его поиски, его творческие дерзания. К большинству направлений научной фантастики вполне применимо высказывание А. М. Горького о книгах, популяризирующих достижения науки и техники: такая книга, по мнению А. М. Горького, «должна давать не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенно преодоление трудностей и поиски верного метода. Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиции»¹.

---

¹ М. Горький, Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 27, М., Гослитиздат, 1953, стр. 108.

Главная сила научной фантастики в том, что она вдохновляет человека на научный поиск, зажигает в нем стремление на деле осуществить то, что осуществили герои фантастического произведения. При этом иногда художнику-фантасту, основываясь на глубоком знании современного состояния науки, удается предвидеть принципиальное решение проблем, поставленных ею сегодня.

В чем же все-таки специфика жанра научной фантастики? Думается, что можно выделить следующие важнейшие его особенности.

Во-первых, наука, ее открытия, перспективы ее развития являются главной определяющей темой произведений этого жанра.

Недостатком ряда произведений нашей современной научной фантастики является чрезмерная робость при анализе перспектив развития науки. Реальные впечатления участника космического полета оказались, по свидетельству ученого-космонавта К. П. Феоктистова, и более будничными и вместе с тем более необычными, чем описания фантастов: «...мы смотрели и видели то, о чем не написано в фантастических романах». Не случайно любимыми писателями-фантастами и К. П. Феоктистова и врача-космонавта Б. Б. Егорова являются польский писатель С. Лем и советские писатели И. Ефремов и братья Стругацкие, то есть именно те фантасты, которые дают в своих произведениях наиболее яркую и смелую картину перспективного развития науки¹.

Во-вторых, как и любой другой жанр искусства, научная фантастика является человековедением. В центре внимания автора должна стоять не новая машина, не новое изобретение само по себе, а человек, совершивший открытие, создатель машины, поскольку в романе или в фильме, где человек целиком заслоняется предметным описанием, неизбежно утрачивается художественность. «Я думаю, что человек будущего — это самая увлекательная и самая сложная тема для фантастики, — пишет известный советский писатель-фантаст И. Ефремов. — Самое интересное, самое трудное, но и самое почетное — это показать не просто звезды и звездочки, но человека, покоряющего звезды»². Главные герои произведений научной фантастики чаще всего — люди науки, первооткрыватели.

¹ См. «Комсомольскую правду», 1964, 22 октября, стр. 2.

² И. Ефремов, «Фантастика в кино нужна. — «Советское кино», 1964, 4 января.

В-третьих, научная фантастика не претендует на создание обоснованных научных гипотез. Создание таких логически стройных и аргументированных гипотез — дело не художника, а ученого. Не случайно писатель-фантаст А. Казанцев потерпел фиаско, когда пытался свою фантазию о посещении Земли пришельцами с другой планеты выдать за научную гипотезу¹. Ведь любая научная гипотеза должна основываться на реальных фактах, исходить из этих фактов, иначе она не имеет права называться гипотезой. Но это обстоятельство никак не умаляет роли фантастики, а лишь очерчивает ее границы, предостерегает от отождествления художественной и научной форм познания мира.

Наука не всегда может (и должна) «авторизировать» фантастику: у писателя никто не собирается отнимать его неотъемлемого права на вымысел. Но и в самом пылком вымысле ничто не должно противоречить коренным принципам науки. Этим реалистическая научная фантастика отличается от «просто» фантазии. «...Я стараюсь отталкиваться от правдоподобного и в принципе возможного», — писал Жюль Верн.

В-четвертых, говоря о будущем науки, научная фантастика, если она действительно научная, не может изолироваться от социальных проблем. Хороший научно-фантастический роман всегда *социален*, ибо невозможно показать *человека* будущего без *общества* будущего.

Особенностью научной фантастики социалистического реализма является ее ярко выраженный социальный характер. Предвидение перспектив развития науки и техники для нее неотделимо от предвидения перспектив развития общества. Научная фантастика предполагает научность социальной картины будущего. Здесь и проходит основной водораздел между советской и буржуазной фантастикой.

Многие почему-то считают, что научно-фантастический роман должен быть приключенческим. Здесь, безусловно, сказывается влияние традиции Жюль Верна. Однако как общее правило это принять нельзя. Г. Уэллс предпочитал психологический и социальный роман приключенческому. Соединение научно-фантастического и приключенческого жанров, наметившееся в последнее время, думается, ведет только к сужению диапазона научной фантастики. Возникнув во второй половине XIX века, этот жанр, рожденный развитием науки и техники, быстро завоевал «права гражданства» в литературе благодаря Жюлю

---

¹ См.: И. Ефремов, Наука и фантастика. — «Литературная газета», 1963, 17 сентября.

Верну. Романы Жюль Верна сочетали острый сюжет, замечательные описания дальних стран, их природы, нравов и обычаев их жителей, яркие, живые образы людей, которые навсегда останутся в литературе... Но главное — в его книгах впервые постоянным героем стал человек науки, изобретатель и ученый, гуманист, поклоняющийся одному богу — Разуму. Необычайная сила романов Жюль Верна заключалась не только в его удивительных прозрениях, но прежде всего в страстном, возвышенном гимне науке, научным открытиям и дерзаниям. Его романы, переведенные чуть ли не на все литературные языки мира, предваряли носившиеся в воздухе открытия. Современники Жюль Верна создавали одну за другой неудачные субмарины с паровым двигателем. Неуклюжие и нескладные, они никак не хотели уходить под воду, а если и уходили, то навсегда. А на страницах романов Жюль Верна изящный, легкий «Наутилус» капитана Немо приводился в действие электродвигателем! Не важно, что современные подводные лодки мало похожи на корабль одинокого властелина морских глубин. Обогнав свое время, писатель нашел принципиально верное решение проблемы подводного мореплавания. В конструкции фантастического «Альбатроса» Робура угадываются черты современных вертолетов. И хотя «Альбатрос», будь он действительно построен, никогда не оторвался бы от земли, почетное место в будущем музее науки этот корабль заслужил. Прав исследователь творчества Жюль Верна Е. Брандис, отметивший, что «Альбатрос» «безусловно сыграл большую роль в пропаганде передовых взглядов сторонников «тяжелее воздуха» и внушил миллионам читателей, что воздухоплавание отжило свой век и должно сойти со сцены»¹.

Сейчас и школьник знает, что достичь Луны в ядре, посланном гигантской пушкой, невозможно. Но что ж из этого? Смелый полет президента Пушечного клуба и его коллег вдохновил родоначальника современной космонавтики К. Э. Циолковского, который впоследствии вспоминал: «Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Ж. Верном. Он пробудил работу мозга в этом направлении. Явились желания. За желаниями возникла деятельность ума. Конечно, она ни к чему бы не повела, если бы не встретила помощь со стороны науки»². О плодотворном влиянии романов Жюль Вер-

---

¹ Е. Брандис, Жюль Верн, Л., Детгиз, 1963, стр. 164.

² К. Э. Циолковский, Труды по ракетной технике, М., Оборонгиз, 1947, стр. 103.

на на научное творчество писали В. А. Обручев и французский академик Жорж Клод, конструктор дирижабля Альберто Сантос-Дюмон и неутомимый исследователь пещер Норберт Кастере.

Жюль Верн в такой «майевтике» научных открытий далеко не одинок. Французский писатель и художник Альбер Робида (1848—1926) в 1883 году предсказал появление «телефонскопа» (видеотелефона) и телевизора. «Драматурги, композиторы прошлых веков! О Мольер, о Корнель, о Гюго, о Россини! Что сказали бы вы провидцу, если б он стал вас уверять, что в один прекрасный день пятьдесят тысяч человек на всем земном шаре, в Париже, в Пекине и в Тимбукту, будут смотреть вашу пьесу в исполнении актеров парижского театра, слышать ваши стихи, вашу музыку, содрогаться в волнительных местах и аплодировать стоящей в их квартире круглой раме, в которой будут жить и действовать созданные вами персонажи?..»¹.

Вспомним еще раз, что это было написано в 1883 году. Никто, конечно, не назовет А. Робида изобретателем телевидения. Да и доживи он до наших дней, он, конечно, и сам не претендовал бы на это звание. Но главное — толчок для последующих научных исследований был дан!

Современность угадывается и в страшном оружии инженера Гарина, созданном воображением А. Н. Толстого. Академик Л. Арцимович на Всесоюзном совещании научных работников говорил: «Для любителей научной фантастики я хочу заметить, что игольчатые пучки атомных радиостанций представляют собой своеобразную реализацию идеи «гиперболоида инженера Гарина»². И здесь почти на добрых сорок лет научная фантастика дала «фору» науке! Задолго до того, как в Якутии было открыто крупное месторождение алмазов, его уже «нашли» герои рассказа И. Ефремова «Алмазная труба». Автор вспоминает, что геологи поисковых партий носили книжку в своих полевых сумках, заразившись ее идеей³.

Вряд ли возможно создать машину времени, подобную той, которую описал в своем романе Г. Уэллс, но идея относительно-сти времени, содержащаяся в нем, была научно обоснована А. Эйнштейном.

Нельзя забывать о значении научной фантастики для науки об обществе. Она стремится воссоздать облик будущего мира

---

¹ Л. Трауберг, Игра стоит свеч. — «Наука и жизнь», 1963, № 5, стр. 77.

² Е. Брандис и В. Дмитриевский, Через горы времени, М., «Советский писатель», 1963, стр. 55.

³ Там же, стр. 73.

и человека завтрашнего дня. И здесь фантазия может обогнать науку. В любимом советским читателем научно-фантастическом романе «Туманность Андромеды» И. Ефремов дал яркую картину не только техники завтрашнего дня, но и мирового коммунистического будущего. Вряд ли можно согласиться со многими деталями будущего коммунистического общества по «Туманности Андромеды» И. Ефремова, в частности, с идеей острова Забвения, где находятся отшельники, обрекшие себя на добровольное изгнание из общества... Но это — не главное.

«Книга окрыляет каждого человека, способного активно мечтать. Ради такого будущего стоит жить и работать...», — пишет в отзыве о «Туманности Андромеды» авиаконструктор О. К. Антонов. «И я положу свой кирпич в ее строящееся здание — таково мое твердое намерение после того, как я прочел Ваш роман», — вторит ему доцент ЛГУ Н. Д. Андреев. «У нас такое впечатление, что «Туманность Андромеды» адресована нам, молодым романтикам техники», — считает студент Харьковского авиационного института В. Алфимов¹. Все эти отзывы читателей говорят о том толчке к практической работе, который им дает книга.

У нас издается много научно-фантастической литературы. Ежегодные альманахи научной фантастики издают ныне и «Знание», и «Молодая гвардия», и издательство «Мысль». Большую популярность у детей и молодежи завоевали альманахи «Мир приключений», значительную часть которого составляют произведения этого жанра. В последние годы уровень нашей научно-фантастической литературы безусловно вырос, появились новые имена, новые темы. А. Днепров, братья Стругацкие, Г. Гор, Е. Парнов и М. Емцов, А. Громова и многие другие авторы, работающие в этом трудном жанре, завоевали симпатии читателя. Однако наряду с хорошими, по-настоящему художественными произведениями в научно-художественной литературе появляется еще немало худосочных, вымученных, а иногда и просто халтурных рассказов и повестей. Чего только не найдешь подчас на страницах научно-фантастических изданий. Герои рассказа Г. Гуревича «Первый день творения»² расплющили... планету Уран. Жители некоей планеты Уам, где воздух «более жидкий» (?), чем на Земле, ничего не делают, работают

¹ Е. Брандис и В. Дмитриевский, Через горы времени, стр. 209.

² Г. Гуревич, Пленники астероида. Научно-фантастические повести и рассказы, М., Детгиз, 1962.

за них роботы-тюти — так представляет себе жизнь будущего общества автор «Звездного бумеранга» С. Волгин¹. Подобная «фантастика» не имеет никакого отношения ни к науке, ни к искусству.

А фильмы, немногочисленные научно-фантастические фильмы?! Неудачная картина «Мечте навстречу», незаметно прошедшие на экранах «Планета бурь» и «Тайна двух океанов», стяжавшая громкую, хотя отнюдь и не во всем лестную славу, картина «Человек-амфибия»... Вот, пожалуй, и все, что может предложить наше кино любителям научной фантастики. А ведь надо ли доказывать, что именно кино с его почти неограниченными техническими возможностями может и должно стать страстным пропагандистом будущего науки и техники? Какое огромное воспитательное значение имели бы, скажем, фильмы, где художественно и впечатляюще были бы показаны жизнь, труд и подвиги наших потомков!

Крайне робко пробует свои силы в научной фантастике и изобразительное искусство, хотя возможности живописи в этом жанре поистине огромны. Свидетельство этому — блестящая серия картин художника Андрея Соколова «Космическая фантазия». Ведь то, что описывает литература, художник может показать наглядно! «Соколов широко пользуется цветом, чтобы создать у зрителя впечатление незнакомости материалов естественных и искусственных объектов, которые он изображает. Красноватый отблеск Марса на поверхности его древнего искусственного спутника, зеленоватый блеск Сатурна, озаряющий скафандры космонавтов, жуткие желто-багровые трещины в коре остывающей звезды, яркий фиолетовый рассвет над неведомой планетой с ее кристаллической растительностью — разве это не будоражит воображение?»² — пишут Аркадий и Борис Стругацкие в предисловии к серии репродукций картин А. Соколова.

Недаром картины этого художника висят в кабинетах видных советских ученых. К сожалению, А. Соколов в нашей живописи еще одинок.

Не случайно у нас бытует лишь термин «научно-фантастическая литература». На самом же деле научная фантастика — жанр, который может и должен существовать и в других видах искусства — в живописи и в кино, в театре и в телевидении.

¹ С. Волгин, Звездный бумеранг, Ташкент, Гослитиздат УзССР, 1963.

² «Космическая фантазия». 16 открытых писем. Художник А. Соколов, М., Изогиз, 1963, стр. 4.